

РОССИЙСКИЕ ЭКСПЕРТЫ О БУДУЩЕМ РОССИИ*

Россия все более фокусирует на себе внимание мирового сообщества. С момента распада Советского Союза прошло десять лет, и сейчас закладывается фундамент для будущего Российской Федерации. Шаги, которые предпримет Россия на завершающих этапах переходного периода, повлияют не только на российских граждан, но и на бывшие советские республики, по-прежнему, в значительной мере зависящие от России, а также и на равновесие крепнущих азиатских центров силы, на безопасность в регионе Афганистана, Пакистана и Индии, на положение в мире в целом.

** Исследование проведено по инициативе и при поддержке Европейского делового клуба в РФ.*

Несмотря на то, что многие предсказывали падение коммунизма, это событие застало мировое сообщество врасплох. Причина этого частично заключалась в изолированности СССР и отсутствии надежных источников информации о деталях внутривнутриполитической жизни. Гласность в этом вопросе возникла уже давно, но мировому сообществу еще много предстоит сделать для полного и глубокого понимания этой страны с ее обширной территорией и сложной историей социального и политического развития.

Европейский деловой клуб в Российской Федерации создан для того, чтобы способствовать продвижению и защите интересов европейских компаний, работающих на российском рынке. Деятельность клуба охватывает широкий ряд аспектов, включая проведение исследований и развитие информационных ресурсов, экспертное содействие Правительству РФ в его реформаторской деятельности, лоббирование улучшения инвестиционного климата.

Поддержка реформ, стабилизация российско-европейских отношений, дальнейшее развитие концепции общеевропейского экономического пространства – в интересах европейских компаний. Достижение этих целей может быть существенно облегчено при условии, что европейские политики определяют долгосрочную перспективу отношений между Европой и Россией.

Проект, результаты которого мы представляем общественному мнению, был начат с тем, чтобы предоставить европейцам возможность узнать, как видятся российским гражданам перспективы развития их страны в ближайшие десять лет. Мы надеемся, что этот проект углубит наше взаимопонимание и будет способствовать принятию взвешенных политических решений относительно общего будущего.

Мы сконцентрировали свою деятельность на трех ключевых аспектах будущего России. Это **политическая система, экономика, а также международный и стратегический вес** России. Мы собрали три группы ведущих российских экспертов в этих областях непосредственно перед саммитом «Европейский Союз – Россия» (28 мая 2002 г., Москва). На основе экспертных мнений были подготовлены три доклада, посвященных соответствующим проблемным узлам.

Помимо собственно прогнозов развития России на ближайшие десять лет, доклады, безусловно, отразили и надежды российского экспертного сообщества. И это обстоятельство также позволит Европе более точно определять свою политику – не только в ближайшей, но и в долгосрочной перспективе.

Ирэн Колю,

Генеральный директор Европейского делового клуба в Российской Федерации

Международный и стратегический вес России в 2010 году

Вес и место России в конце первого десятилетия 21-го века будут зависеть от совокупности факторов. Вот наиболее существенные из них:

- основные параметры развития США и Европы до 2010-го года;
- характер отношений между Россией и Западом в целом;
- диапазон сотрудничества между Россией и ЕС;
- реальный международный вес самой Европы к 2010-му году;
- способность России укрепить свою государственность;
- экономическая стратегия, которую будет осуществлять Россия.

Россия и Запад: возможности и опасности

После событий 11 сентября 2001-го года извечное стремление России на Запад получило возможность реализоваться. Стали более вероятными перспективы сближения и даже постепенного вхождения России в североатлантическое сообщество.

Расширение НАТО и ЕС являются факторами, признанными Россией. Однако если расширение ЕС воспринимается в России как закономерный процесс, в котором она не усматривает для себя угрозы, расширение НАТО, хотя и воспринимается сегодня спокойнее, чем раньше, вызывает некоторую озабоченность.

В России есть сомнения также насчет того, до какой степени Запад действительно заинтересован в интеграции России в евроатлантическую общность. В США и Западной Европе по этому вопросу есть разные точки зрения: в то время, как одни политические силы склоняются к глубокой интеграции России в западные структуры, другие (прежде всего в Америке) исходят из того, что такая интеграция противоречит интересам Запада и предлагают Москве ограниченно-символическое сотрудничество.

Соответственно, и в России по-разному относятся к политическому сближению с евроатлантическим сообществом. Одни предлагают не переоценивать его значения и исходить, прежде всего, из жесткого понимания российских национальных интересов в том виде, в котором они сложились к концу XX – началу XXI вв. Сторонники такого подхода скептически относятся к новому формату сотрудничества между Россией и НАТО, считая «двадцатку» в основном лишь новым изданием не оправдавшего себя Совместного консультативного совета Россия-НАТО, созданного в 1997 году. Они также исходят из крайне ограниченных возможностей политического сотрудничества между Россией и ЕС, полагая, что в военной и стратегической сфере ЕС будет и впредь оставаться лишь младшим партнером США.

Другие, напротив, исходят из возможности далеко идущей интеграции России в евроатлантические институты. Представители этого направления предлагают пересмотреть существующее понимание российских национальных интересов ради превращения России в часть Запада – в политическом, экономическом и культурно-цивилизационном плане.

Отсюда – положительное отношение к сотрудничеству с НАТО в формуле «двадцатки» и призывы смириться с тем, что в ее рамках голос России будет весить столько же, сколько голос каждого члена альянса. НАТО рассматривается как структура, в которой следует участвовать даже при гегемонии в ней США, поскольку через НАТО, в сотрудничестве с европейскими странами, есть шанс оказать на Америку дисциплинирующее воздействие. Некоторые российские политики предлагают даже подать заявку на вступление в НАТО, чтобы, в случае отрицательного ответа со стороны альянса, возложить на Запад ответственность за недостаточную интегрированность России и побудить его к более активному движению навстречу России. В случае же приема России в НАТО, у новых союзников России повысилась бы ответственность за ситуацию на границах бывшего СССР, а Россия получила бы право вето, которым она ныне не располагает.

Вместе с тем, на пути дальнейшего сближения России и Запада есть значительные опасности. Главная связана с возможными непродуманными агрессивными действиями со стороны США на мировой арене. В случае, если США предпримут односторонние военные действия (например, в отношении государств так называемой «оси зла»), ни на кого не оглядываясь и ни с кем не советуясь, это может серьезно помешать диалогу между Россией и Западом. Особенно, если при этом не будут учитываться интересы России, как это уже было на Балканах, то же может произойти в Средней Азии, если США сохраняют там военные базы, как и на постсоветском пространстве в целом, если будет продолжена линия на постепенное вытеснение с него России.

Другая опасность связана с внутренним развитием России. Владимир Путин достаточно осторожен и пока – за два года пребывания у власти – не совершил ни одной серьезной ошибки в своей экономической политике. В частности, ему удастся сдерживать российских ультра-либералов. Однако, если он ослабит свой контроль над экономической политикой, в стране может произойти серьезный социальный взрыв. Хотя в последние годы положение в России и стабилизировалось, никаких гарантий долгосрочной стабильности пока нет.

Россия будущего: возможные сценарии

В настоящее время можно выделить три сценария позиционирования России в мире к 2010 году.

Сценарий первый. Превращение России в часть евроатлантического альянса. В результате прогрессирующего сближения с США и ЕС, а также вовлечения России в стратегическую логику НАТО появляется официальная или неформальная организация Северного полушария, которая будет заниматься решением крупных глобальных проблем.

Это – сценарий наиболее оптимистичный, однако, видимо, наименее реалистичный. Во-первых, он не учитывает американский фактор. Если исходить из современной политики Америки, США делиться своей ролью мирового лидера, и тем более лидера западного мира, не захотят (по крайней мере, если США не достигнет крупная внешнеполитическая катастрофа – типа катастрофы во Вьетнаме). Между тем появление России с ее территорией, ядерным потенциалом и ресурсами внутри евроатлантического сообщества нарушит нынешнее соотношение сил между США и Европой и неизбежно поставит под вопрос американское лидерство. Слабость России не следует преувеличивать: Россия слаба по сравнению с Советским Союзом, однако по совокупности политических, военных и ресурсных параметров она остается одним из 10 наиболее сильных государств современного мира. Именно поэтому США не заинтересованы в появлении России внутри НАТО в качестве альтернативного центра влияния. Привлекая Россию к деятельности НАТО, США стремятся вместе с тем максимально ограничить ее потенциальное воздействие на политику альянса.

Во-вторых, возможности интеграции России в НАТО крайне ограничены. Для США предпочтительнее, чтобы Россия оставалась внешним по отношению к НАТО партнером. Для ведущих государств Европы появление России внутри НАТО также чревато рядом проблем, прежде всего – понижением их собственного удельного веса в НАТО. Геополитическое и геостратегическое значение России, занимающей центр Евразии – ключевого континента современного мира, неизмеримо выше значения Великобритании, Франции или Германии, или даже значения всего Европейского

Союза. Это стало очевидно во время проведения антитеррористической операции в Афганистане. Уже сейчас в Европе высказываются опасения, что российско-американское сближение приведет к возобновлению диалога между Москвой и Вашингтоном через головы европейцев. В случае же вступления России в НАТО снижение веса в нем Европы будет неизбежным.

Наконец, включение России в НАТО породит ряд дополнительных проблем между Западом и Китаем, поскольку в этом случае сфера действия альянса распространится до российско-китайской границы. К этому страны НАТО не готовы.

Таким образом, полная интеграция России в НАТО выглядит маловероятной. Возможно лишь некоторое функциональное взаимодействие, при котором Россия получит голос при обсуждении некоторых проблем политики НАТО, но в целом будет оставаться на обочине этой организации.

Второй сценарий предполагает превращение России в часть Европы – и политически, и экономически. Президент Путин неоднократно упоминал этот сценарий, определяя Россию прежде всего как европейскую страну. В пользу этого сценария говорит исторический опыт: Россия всегда была частью Европы и европейской, а не какой-либо азиатской цивилизации. В свою очередь Европа без России рискует не состояться как мощный и влиятельный фактор мировой политики. Этот сценарий выглядит наиболее логичным, однако на пути его реализации также есть существенные ограничения.

Прежде всего, ограничения объективные: ни Европа, ни Россия не готовы к вступлению России в ЕС, а без этого интеграция России в Европу останется незавершенной. Между российской экономикой и социальной практикой, законодательством и культурно-политическими традициями, с одной стороны, и основными институтами, механизмами и параметрами современной Европы, с другой, сохраняются огромные разрывы. Между тем, даже вступление в ЕС малых европейских стран типа Эстонии или Кипра создает для Евросоюза серьезные проблемы, не говоря уже о присоединении таких стран, как Польша или Чехия. Россия же представляет собой качественно другую величину. Поэтому рассуждения о ее вхождении в ЕС на обозримую перспективу беспредметны.

Вторая группа ограничений связана с представлениями и настроениями главных мировых игроков. США не заинтересованы в том, чтобы Россия стала полноправной частью Европы, так как это приведет к усилению Европы на наиболее чувствительном для США направлении – военно-стратегическом. Не до конца определилась по отношению к России и сама Европа. За исключением премьера Италии г-на Берлускони в Европе на сегодняшний день нет энтузиастов присоединения России ни к ЕС, ни к НАТО. Возможно,

еще важнее то, что Европа не определилась даже насчет самой себя: хочет ли она выступать как все более самостоятельный центр силы при стратегическом взаимодействии с Америкой, или согласиться на американское безусловное лидерство и ограничиться наращиванием своей экономической мощи, не претендуя на подлинную самостоятельность во внешней и оборонной политике. На обозримую перспективу, учитывая влияние США в Европе, более вероятным выглядит второй вариант европейского развития, то есть вариант преимущественной ориентации на США и на второстепенную роль России в европейских делах.

Наконец, у самой России нет полной ясности относительно своих долгосрочных ориентиров. В настоящее время интеграция России в Европу ограничивается личным взаимодействием Владимира Путина с европейскими лидерами и несколькими политическими декларациями. А однозначно прозападные силы в России имеют гарантированную поддержку лишь 15-18 процентов избирателей. В России в широких кругах населения нет понимания, что представляет собой ЕС и как он функционирует. Судя по опросам общественного мнения, к ведущим странам ЕС, например, к Германии, относятся лучше, чем к США, но хуже, чем к Китаю или Индии. И даже в элитном сознании отношения с Европой воспринимаются скорее как двусторонние отношения с европейскими странами, чем с Евросоюзом как с неким единством.

Сценарий третий. В его рамках Россия развивается, во многом по необходимости, как самостоятельный центр силы внутри «глобализирующегося» мира – развивается как центр силы типа Китая, то есть не равный по мощи Соединенным Штатам, и тем более евроатлантическому союзу, но имеющий собственный вес и собственную роль, а не растворяющийся в других центрах силы.

В историческом плане для России – это наиболее естественный сценарий, поскольку Россия была таким центром, начиная с Ивана Грозного. Такой выбор выглядит и вполне логичным: Россия слишком велика, чтобы быть интегрированной в существующие западные институты, не рискуя взорвать их или, во всяком случае, качественно изменить их характер, в чем Запад до сих пор не был заинтересован. С точки зрения мировой политики, такой вариант развития России приветствовали бы многие ключевые мировые игроки – Китай, Индия, государства арабского мира, да и некоторые силы в Европе, Латинской Америке и Африке. Для этих стран и лим. однополярный мир, управляемый из США, является неприемлемым. Функционирование России в качестве самостоятельного центра позволило бы поддерживать разумный мировой баланс и обеспечить тот многополюсный мир, основанный на взаимодействии и сотрудничестве, к которому стремится большинство государств мира. Напротив, если Россия не будет играть такой роли, эти государства станут более зависимыми от политики

США, а в критических ситуациях могут стать заложниками решений, принимаемых в Вашингтоне.

По этому сценарию, как самостоятельный центр силы Россия могла бы быть партнером и Европы, и Америки, и Китая, и проводить «многовекторную» внешнюю политику, отражающую специфику ее географического положения и национальных интересов.

Наиболее вероятная парадигма развития

При всех различиях между этими сценариями и всей их разнородности, наиболее вероятным будет развитие России на стыке трех названных сценариев. США будут продолжать оказывать давление на Россию с тем, чтобы она сближалась с ними в основном на американских условиях. Европа, со своей стороны, будет частично поддерживать в этом США, а частично продолжать поиск путей самостоятельного сближения с Россией.

В России же будут сосуществовать и бороться два подхода. *Первый подход* – западническо-либеральный – исходит из того, что в долгосрочном плане есть перспектива присоединения России к ЕС и НАТО, а смысл сближения с ними состоит в том, чтобы пытаться влиять на НАТО и политику альянса, а также на политику ЕС в новых условиях, когда «холодная война» уже позади. Как считают адепты этого подхода, сближение с Западом в целом, и ЕС в частности, важно для России не только с точки зрения внешней политики, но и в плане внутренней политики – для снижения уровня бюрократизации российской экономики и привыкания к работе в конкурентной экономической среде. С этой же точки рассматривается и присоединение России к ВТО, которое объявляется важным для ускорения реформы бюрократии и промышленности. При этом попытка превратиться в самостоятельный центр силы приравнивается к самоизоляции от остального мира и объявляется самоубийственной.

Другой подход, который можно определить как демократическо-державный – исходит из того, что Россия не должна пытаться вновь стать сверхдержавой, но должна утвердиться в мире как современная и сильная великая держава. Присоединение же к одному из существующих или формирующихся центров силы приведет к концу России как одной из наиболее важных стран современного мира. Сторонники этого подхода исходят из того, что в обозримой перспективе Россия обречена быть самостоятельным, поскольку ее подключение к западному альянсу возможно лишь за счет ее коренных национальных интересов. Приоритетной же задачей России является не присоединение к НАТО, ЕС и ВТО, а определение собственного пути. Россия должна двигаться в направлении внедрения институтов и ценностей, уже доказавших свою дееспособность и эффективность во всем мире, поскольку на

остальных путях страна потерпела сокрушительное поражение. Но создание в России демократических институтов и партнерство с США и Европой не должны означать отказа от собственной идентичности, важнейших национальных интересов и самостоятельной роли в международных делах.

Адепты этого подхода считают выбор союзников для России делом второстепенным – по известной формуле: «У России нет вечных врагов и вечных союзников, у России есть лишь вечные интересы». Попытка же выстроить союзные отношения с ведущими мировыми игроками может, при нынешней относительной слабости России, выродиться в невыгодные для России отношения «младшего партнера» и «старшего брата».

При этом сторонники обоих подходов согласны, что на протяжении ближайших 8 лет существенных изменений в положении России не произойдет. Скорее всего, будет наблюдаться медленная эволюция status quo при превращении России в более органичную часть Европы и постепенном вовлечении России в деятельность западных экономических и политических институтов. Во внешней политике России будут соседствовать оба названных подхода, придавая ей некоторую противоречивость. Борьба между чисто западной ориентацией России и установкой на самостоятельную роль в мировых делах продолжится.

Россия и Европа: в поисках себя и друг друга

Взаимоотношения России с Европой будут определяться прежде всего состоянием самой Европы к 2010 году.

В экономическом плане возможно два варианта: либо ЕС, являясь важнейшим центром экономической мощи, будет по-прежнему отставать от США (в настоящее время соотношение доли США и Европы в мировом ВВП явно в пользу США – 31 процент к 20 процентам), либо Европа сумеет бросить реальный вызов Америке и сократить этот разрыв. По некоторым оценкам, вес США будет постепенно сокращаться, а их ВВП будет постепенно приближаться к ВВП Европейского Союза. Точно так же доля Европы в мировом объеме инвестиций будет возрастать, а доля США – снижаться. Тенденции к большей европейской самостоятельности уже существуют: например, в торговых войнах США не удастся навязывать Европе свою волю. Все это создаст к 2010 году возможность для Европы стать самостоятельной по отношению к США.

Но, если экономически Европа и может претендовать на самостоятельность, то в военном плане, в сфере обороны и безопасности она сильно отстает от США – и разрыв в мощи между ними только увеличивается. Потребуется сверхусилия и радикальные изменения в национальной психологии европейских

стран, чтобы ЕС хотя бы в одном из компонентов мощи приблизился к США. Даже если оставить в стороне ядерный компонент, Европа – в отличие от Америки – не имеет способности перебрасывать на большие расстояния военные контингенты для участия в миротворческих операциях, не имеет стратегической разведки, не располагает сильными военно-морскими силами.

Между тем, современное государство не может быть по-настоящему суверенным и играть роль на мировой арене, если оно не обладает собственной военной мощью. Значение военного фактора в международных отношениях явно возрастает, хотя и проявляется в другой форме, чем в годы «холодной войны». В целом в мире наблюдается тенденция к упрочению статуса государства за счет военного фактора. Убедительные примеры – Индия, Китай, другие азиатские страны. Сможет ли Европа перед лицом экономической и военной мощи США, а также в условиях своей зависимости от Америки, с одной стороны, а с другой – в ситуации динамичного развития стран Азии, продемонстрировать, что она может претендовать на суверенную роль в мировой политике? Отношения России с ЕС во многом будут диктоваться ответом на этот вопрос.

Со своей стороны, и Россия должна дать ответ на ряд вопросов – и самой себе, и внешнему миру. Во-первых, российской национальной элите предстоит определить, какой должна быть сама Россия и какую роль она должна играть на постсоветском пространстве. Россия не сможет состояться как влиятельная страна, если не станет центром влияния силы для своих ближайших соседей – прежде всего Украины, Белоруссии, Казахстана.

Во-вторых, Россия должна решить свою главную психологическую проблему – проблему новой идентичности. Старая имперская идентичность погибла, коммунистическая идентичность отпала, а принципы западного гражданского общества в России еще в полной мере не работают. Если в ближайшие годы Россия не сумеет утвердиться на новой основе своей государственности, она превратится в культурную и экономическую колонию Европы. При этом ей будут угрожать дезинтеграционные тенденции, которые сейчас проявляются на Северном Кавказе.

В-третьих, Россия должна решить свои ключевые внутренние проблемы: ограничить коррупцию, навести порядок в экономике, добиться социального и политического консенсуса внутри страны.

Наконец, России – как и ЕС – предстоит определить, хочет ли она играть одну из ведущих или ведомую роль на мировой арене. В отсутствии этой определенности диалог Россия-ЕС – это диалог взаимных надежд и зачастую неоправданных пожеланий. Этот диалог основан преимущественно на экономической повестке дня. Политические аспекты в его рамках почти не затрагиваются, или затрагиваются в очень ограниченной форме, так как ни

Россия, ни ЕС сегодня не являются самостоятельными политическими игроками в мире, где господствует одна страна – США.

В этих условиях следует искать области сотрудничества между ЕС и Россией, которые способны повысить их вес в мировых делах и помочь решить совместные проблемы. По политическим соображениям ЕС демонстрирует интерес к военному сотрудничеству с Россией – и этот интерес Россия приветствует. В принципе для развития отношений в сфере обороны есть значительный потенциал. По ряду оценок, к 2010 году Европа выйдет на ряд крупных решений в области собственной широкомасштабной обороны, и развернет ряд крупных программ в оборонной промышленности. Это может стать продуктивной сферой сотрудничества.

Можно также создать совещательный орган ЕС-Россия для сотрудничества в области борьбы с терроризмом, преступностью, наркобизнесом и формирования общего законодательства по этим трансграничным вопросам.

В сфере торговли и экономики, хотя ЕС и является ведущим партнером России, связи между ними носят достаточно ограниченный характер. Россия для ЕС – это в основном поставщик сырья и рынок сбыта европейских промышленных товаров. На рынках же высокотехнологичной продукции – будь-то ядерная энергетика, авиастроение, космическая индустрия – царит жесточайшая конкуренция. Необходимо углублять связи в области энергетики, начать сотрудничать в развитии высоких технологий и наукоемких отраслей экономики. Причем это во многом зависит от ЕС. В противном случае динамично развивающийся китайский рынок сможет компенсировать для России закрытие европейского рынка для ее продукции.

Экономическая стратегия как ключ к будущему

Важнейшим фактором будущего веса России в мире станет окончательное определение варианта ее экономического развития. В настоящее время существуют два таких варианта.

Вариант первый – сохранение нынешнего курса, то есть политика статус-кво, которую можно определить как поддержание олигархическо-монополистической системы. Эта политика означает отказ от государственного стимулирования роста, закрепление сырьевой специализации России, неспособность выхода на темпы роста выше 3-4 процентов в год, а также все большую зависимость от внешних источников капитала. Российский рынок будет преимущественно определяться деятельностью транснациональных корпораций. Ее собственный производственный потенциал будет сжиматься, сохранится высокий уровень бедности, тенденция к деградации человеческого потенциала и к прогрессирующему вымиранию населения. В результате Россия останется на периферии и европейской, и мировой экономики.

Вариант второй предполагает государственное стимулирование роста и экономическую модернизацию на основе развития высоких технологий и структурной перестройки экономики. В основе такой политики будет лежать наращивание конкурентоспособности в наукоемких отраслях, таких как авиационная, космическая, химическая промышленность. Только этот вариант способен превратить Россию в высокоразвитую страну с сильным научно-техническим потенциалом, занимающую достойное место в глобальной экономике.

На первый взгляд, может показаться, что этот вариант невыгоден Европе: у нее под боком появится экономически мощная и конкурентоспособная Россия. Однако альтернативный вариант – сохранение в России высокого уровня бедности, коррупции и криминала при определяющей роли олигархического капитала, разграбляющего страну, рискует превратить Россию в социальную «черную дыру» на окраине ЕС со всеми вытекающими отсюда последствиями для самой Европы: экспорт проституции, преступности, наркомании, СПИДа и т.п. Вряд ли европейским интересам отвечает появление на месте России гигантского очага социального неблагополучия по образцу наиболее коррумпированных и нищих стран Азии и Африки. К тому же в России такое развитие чревато появлением сильных движений ультранационалистического и антизападного толка в качестве реакции на олигархическое правление, которое в сознании многих россиян ассоциируется с влиянием на Россию со стороны Запада.

Напротив, сильная и динамично развивающаяся Россия не только исключала бы эти угрозы, но и приумножила бы потенциал объединенной Европы. Действуя совместно на выбранных направлениях, ЕС и экономически сильная, современная Россия могли бы оказывать огромное воздействие на соотношение сил в глобальной экономике и глобальной политике.

Составитель доклада: А.К.ПУШКОВ, член Президиума российского Совета по внешней и оборонной политике, автор и руководитель еженедельной программы «Постскриптум» (ТВЦ).

Привлеченные эксперты:

В.Г.БАРАНОВСКИЙ, заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений РАН.

В. Ю.ГЛАЗЬЕВ, депутат Государственной Думы РФ, председатель Комитета по экономической политике, член-корреспондент РАН.

К.Ф.ЗАТУЛИН, директор Института стран СНГ.

В.В.ИВАНТЕР, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН.

А.А.КОКОШИН, депутат Государственной Думы РФ, директор Института проблем международной безопасности РАН, член-корреспондент РАН.

А.М.МИГРАНЯН, вице-президент фонда «Реформа».

Н.А.СИМОНИЯ, директор Института мировой экономики и международных отношений РАН, академик РАН.

И.М.ХАКАМАДА, заместитель Председателя Государственной Думы РФ, сопредседатель парламентской фракции «Союз правых сил».

А.С.ЦИПКО, политический обозреватель «Литературной газеты».

Н.П.ШМЕЛЕВ, директор Института Европы РАН, академик РАН.

А.Н.ШОХИН, председатель наблюдательного совета группы «Ренессанс Капитал», в прошлом занимал пост вице-преьера Правительства РФ, министра труда и занятости, министра экономики, являлся председателем Комитета Государственной Думы по кредитным организациям и финансовым рынкам.

Экономика России к 2010 году

После событий 11 сентября вновь оживилась дискуссия относительно более тесной интеграции России и Запада, России и Европы, причем это касается не только экономической, но и политической и военной сфер. Возобновление сотрудничества России и НАТО, регулярные контакты российского президента с западными лидерами, более активные попытки окрепшего российского капитала проникнуть на западные рынки, интенсификация, переговоров о вступлении России в ВТО – это лишь краткий перечень тех изменений, которые наглядно обозначились в течение последнего года. В немалой степени этому способствовало экономическое оживление в российской экономике, активизация российских властей по реформированию экономики страны.

Доклад затрагивает следующие темы: (а) какой в общих чертах видится политическая система в России к концу первой декады нового века; (б) в каком направлении ожидается эволюция российской экономической системы в ближайшее десятилетие, и какой будет экономическая политика в эти годы; (в) каковы плюсы и минусы от вступления России в ВТО, какие проблемы видятся на этом пути, как быстро это может произойти; (г) какие отрасли или сектора будут доминировать в российской экономике к концу десятилетия – будет ли это по-прежнему энерго-сырьевой сектор, или у России есть шанс развить отрасли, производящие товары и услуги с больше высокой долей добавленной стоимости.

Постановка этих вопросов весьма актуальна, особенно учитывая то, что в ежегодном послании президента прозвучали упреки правительству в том, что разработанный среднесрочный экономический прогноз недостаточно амбициозен – для сокращения разрыва

между Россией и развитыми странами Запада, для более полной интеграции России в европейское пространство трех-четырёх процентов роста, намеченных на ближайшие годы, явно недостаточно. Для сравнения, темпы роста американской экономики согласно консенсус-прогнозу журнала Economist в 2003 году составят 3,5 процента, а в зоне евро рост составит в среднем 2,8 процента.

Основные факторы экономического роста

За три года, прошедших после кризиса 1998 года, сформировался достаточно примитивный механизм роста российской экономики, который во многом базируется на инвестиционных планах крупнейших экспортеров. Удельный вес инвестиций в топливную промышленность составлял в последние годы 22-23 процента от общего объема инвестиций. Примерно такая же доля приходилась и на транспорт, прибыли которого также связаны с объемами экспорта. В итоге свыше 50 процентов национальных инвестиций поглощаются двумя отраслями – топливно-энергетическим комплексом (с учетом электроэнергетики) и транспортом. По сути именно эти два сектора определяют динамику инвестиционного спроса в целом. Повышая инвестиционный спрос, ТЭК и транспорт способствуют увеличению доходов в соответствующих отраслях машиностроения и ряде сопряженных с ним производств. В свою очередь, рост доходов по более широкому спектру отраслей с некоторым лагом (примерно в один квартал) подталкивает потребительский спрос, стимулируя производство в остальной экономике.

Таким образом, несмотря на то, что потребительский спрос в 2001 – начале 2002 гг. рос быстрее, чем инвестиции в основной капитал, именно последние выступают катализатором роста, и экономическая динамика, по-прежнему, остается существенно зависимой от внешнеэкономической конъюнктуры и прибылей основных российских инвесторов, нефтегазового комплекса в первую очередь.

В 1999-2001 гг. рост в перерабатывающих отраслях был в основном обеспечен за счет крупных, уже существующих предприятий путем повышения загрузки производственных мощностей при минимально необходимых инвестициях, требовавшихся для их «оживления». Масштабного обновления основного капитала в переработке пока не началось. Интенсивность появления новых предприятий, в том числе предприятий малого бизнеса, остается крайне невысокой. Во многом это обусловлено крайне низкой эффективностью государственного аппарата, высоким уровнем коррупции, «зарегулированностью» экономики, сохраняющимся высоким уровнем влияния государства (точнее, чиновников, выступающих от его имени) на экономику страны. Все это означает,

что отраслевая структура экономики, по-прежнему, остается архаичной. Основная часть добавленной стоимости создается в трех-четырёх капиталоемких секторах, производящих и экспортирующих энергоресурсы (нефть и газ), и промышленные полуфабрикаты (металлы, основная химия, продукция лесной и деревообрабатывающей промышленности).

Возможности экономического роста ограничиваются и тем, что в России отсутствует механизм межсекторного перетока капитала. Финансовый и реальный сектора, как и раньше, функционируют изолированно друг от друга (по данным Госкомстата, доля банковских кредитов в общем объеме инвестиций в последние годы устойчиво составляет 3-4 процента, по-прежнему, преобладают краткосрочные кредиты на пополнение оборотного капитала). Банки, ассоциированные с крупными вертикально-интегрированными структурами, по сути, выступают в качестве расчетно-кассовых центров, а не финансовых посредников. Ядром каждого из таких конгломератов, как правило, является крупная компания-экспортер – нефтяная газовая, металлургическая. В последние годы, после кампании по «равноудалению олигархов от Кремля» явно обозначилась тенденция интеграции крупного бизнеса с региональной политической элитой.

Низкая эффективность обрабатывающих отраслей экономики приводит к тому, что в России проявляются симптомы «голландской болезни», которая, однако, не является основной проблемой для страны, учитывая крайнюю отсталость технологий в большинстве отраслей. Иными словами, проблема для России усугубляется тем, что даже понижение реального курса рубля и поддержание его на низком уровне вряд ли может способствовать устойчивому экономическому оживлению. Загрузка производственных мощностей на действующих предприятиях уже достаточно высока, что ограничивает возможности достижения высоких темпов роста без существенной модернизации экономики и обновления основного капитала. По сути – без изменения структуры экономики.

В последние полтора десятка лет мировая экономическая наука существенно продвинулась вперед в части углубления знаний о природе экономического роста, причем во многом это было связано с накоплением и обработкой больших массивов статистической информации по разным странам. Обобщая работы по теории роста, один из признанных специалистов в этой области, Сала-и-Мартин¹, заметил, что выводы, которые следуют из работ разных авторов, состоят, в частности, в следующем: (а) невозможно найти какой-либо один простой объясняющий фактор, который бы определял динамику роста; (б) начальный уровень экономического развития страны является важным фактором; (в) размеры правительства (доля бюджета расширенного правительства

¹ Xavier Sala-i-Martin in: «15 Years of New Growth Economics: What Have We Learnt?», Discussion paper # 0102-47, Department of Economics, Columbia University, NY, April 2002.

в ВВП) оказываются статистически малозначимым фактором; что важно для роста, так это «качество» государства, качество тех услуг, которое оно предоставляет обществу; (г) крайне важное значение для роста имеют институты (свобода рынков, права собственности, правопорядок); (д) более открытые экономики растут быстрее. Так или иначе, проблемы роста, качества услуг, которые государство предоставляет бизнесу, развитость рыночных институтов обсуждались участниками дискуссии.

Что касается последнего из перечисленных пунктов, то в нем содержится ответ на вопрос о том стоит ли России вступать в ВТО. Первый же из приведенных выводов свидетельствует о том, что у России (как и у любой другой страны) нет простого решения: нельзя все проблемы роста свести, скажем, только к проблеме курсовой политики или политики в области тарифов естественных монополий. Критически же важно – «качество» самого государства, и рыночных институтов. В этом смысле участники дискуссии были во многом согласны друг с другом.

Таким образом, для того, чтобы продолжить движение по траектории роста с темпами не ниже 5-6 процентов в год необходима скорейшая реформа административной системы. В настоящее время слабое и неэффективное государство, пораженное коррупцией чиновничества, являются одним из важнейших ограничителей экономического роста. Именно высокие барьеры входа на рынок и высокие трансакционные издержки тормозят появление новых предприятий, а значит – препятствуют изменению структуры производства. Бюрократический произвол, наряду с общим плохим имиджем страны является важнейшим ограничителем притока иностранного капитала.

Статистические данные свидетельствуют о том, что, к сожалению, значительная часть российского населения предпочитает низкооплачиваемую работу в госаппарате, численность которого устойчиво растет, особенно на местном уровне. Видимо в России «опекать» бизнес, по-прежнему, проще и выгоднее, чем им заниматься. Проще ставить различные «рогатки», усложнять «правила игры» и извлекать из этого известную выгоду. К сожалению, власть, в лице многих ее представителей, по-прежнему, рассматривает предпринимателя как спекулянта, расхитителя государственной собственности, нарушителя закона, и пока еще далека от осознания, что именно она, власть, содержится на средства этого самого предпринимателя и призвана охранять его интересы. Показательно, что в последние годы на фоне увеличения численности чиновников, численность занятых в малом бизнесе устойчиво сокращалась.

Дебюрократизация и реформа госслужбы должны расчистить поле для развития малого бизнеса, реализации потенциала предпринимательства в целом. Этот потенциал в России так и не

был реализован в полной мере за все годы реформ. Однако, именно в малом бизнесе возможно наиболее быстрое создание рабочих мест, а значит и рост экономики. Кроме того, малый бизнес является естественной «площадкой» для селекции наиболее эффективных предпринимателей. Неэффективные – уходят с рынка, в то время как выжившие малые предприятия становятся средними, а затем крупными. По сравнению с Россией в развитых странах малый бизнес производит гораздо большую долю ВВП, причем существенная часть малого бизнеса обслуживает крупные предприятия.

Эффективная частная финансовая система – другой важнейший элемент нормально развивающейся экономики. Развитие предпринимательской активности, появление новых предприятий будет объективно повышать спрос на услуги финансового сектора, банков, в первую очередь. Как российские банки, так и страховые компании пока находятся на достаточно низком уровне развития, в том числе и потому, что реального массового спроса на их услуги не было. Так же как и в случае с банковскими услугами, развитие рынка страховых услуг возможно тогда, когда права собственника на имущество определены и надежно гарантированы. Завершение передела собственности в России должно дать толчок развитию рынка страховых услуг – вряд ли имеет смысл страховать имущество до тех пор, пока у собственника нет гарантий того, что его права собственности надежно защищены. Причем, это становление должно происходить в условиях конкурентной среды. Этому должно способствовать вступление России в ВТО, допуск нерезидентов на рынок финансовых услуг. Отсутствие эффективной банковской системы сдерживает и развитие фондового рынка.

Еще одно направление, которое, наверное, имеет смысл развивать в российских условиях – создание свободных экономических зон (СЭЗ), что, кстати, активно предлагается Министерством экономического развития и торговли. Хотя в явном виде эта тема как мера экономической политики в обсуждении не звучала, тем не менее, региональная тематика, неравномерность развития страны по регионам была очевидна большинству участников дискуссии. По-прежнему, будут регионы-лидеры и регионы, получающие трансферты. В региональном аспекте можно ожидать довольно быстрого развития так называемых торговых регионов. Это регионы Дальнего Востока, Северо-запада и, видимо, Калининград. Понимая, что реформирование административной системы, ограничение власти бюрократии по всей территории страны может оказаться длительным и болезненным процессом, создание «экономических оазисов», где власть местных чиновников ограничивается специальным федеральным законом (о свободных экономических зонах) может способствовать «точечному»

росту экономики. В свободных экономических зонах должны регистрироваться только новые предприятия, в том числе с широким участием иностранного капитала. Таким образом, речь не идет о создании «внутренних офшоров», «прачечных» по отмыванию денег. Может быть в СЭЗ, хотя бы локально, удастся обеспечить более высокое качество услуг, которые государство должно предоставлять обществу.

В долгосрочном плане ключевую роль в развитии российской экономики призваны сыграть инвестиции в развитие некапиталоемких отраслей, способных производить продукцию, конкурентоспособную на внешнем и внутреннем рынках. Причем, в первую очередь, это касается внешнего рынка: Россия должна найти новые экспортные ниши, интегрироваться в мировую экономическую систему не только как экспортер сырья и промышленных полуфабрикатов. Для этого нужны новые производственные мощности, а значит, и инвестиции.

К 2010 г. сохранится доминирование вертикально-интегрированных бизнес-групп. К концу десятилетия неизбежно завершение процессов диверсификации этих бизнес-групп и специализация каждой из них в том или ином секторе экономики.

Перспективы экономического и политического устройства страны

10 лет для России – это очень большой срок и, соответственно, широк выбор возможных вариантов развития. Может ли в России сложиться политическая система подобная американской, или это будет вариант более близкий к европейскому, или латиноамериканскому? Хотя в ближайшей перспективе нет оснований ожидать радикальных изменений в политической системе страны, однако, относительно контуров будущего политико-экономического устройства в мнениях экспертов наблюдаются определенные расхождения.

С. Алексашенко

С точки зрения политической системы до 2008 г. в России никаких потрясений не предвидится. Перевыборы Путина на второй срок не вызывают никаких сомнений. Существенно то, что за последние годы в России не появилось новых политиков. Все потенциальные соперники Путина в 2004 г. присутствуют на политической арене уже 10 лет, известны их сильные и слабые стороны, те пути, по которым они пойдут, те слои, на которые они будут опираться, и каких-либо неожиданностей ожидать не следует. Шанс, что появится некий новый яркий политический лидер, равен нулю. Предыдущий опыт показал, что создать такого лидера по силам только партии власти. В настоящее время пркремлевские политологи начали активно проводить идею о том, что Россию

пора превращать в нормальную европейскую державу, где победившая на парламентских выборах партия формирует правительство, причем такой партией не обязательно должна быть «Единая Россия». Можно предположить, что на парламентских выборах 2003 г. появится новое политическое движение, во главе которого открыто станет Путин. Это движение заменит и «Отечество», и «Россию», и «Единую Россию» и сможет победить коммунистов на парламентских выборах.

Вряд ли можно ассоциировать российский путь развития с европейскими или американскими моделями – политическая система России еще не устоялась. В основе любого политического разделения общества лежат экономические интересы, а в России есть один единственный сектор, у которого есть ярко выраженные политические интересы – это экспортеры сырья. Очевидно, что никто другой не может им составить конкуренцию, поэтому, вольно или невольно политическая элита, правительство будут прислушиваться к голосу экспортеров. Конечно, есть другие прибыльные отрасли, например, пищевая промышленность и т. д. Однако они настолько мелкие, что представить себе, что они объединятся и составят конкуренцию экспортерам сырья в 2003 г. нереально.

В развитии политической системы России может стать определяющим 2008 год, когда Путин должен будет сдать президентские полномочия. Россия среди стран Восточной Европы пока стоит дальше всех от демократии, поскольку в России власть в определенном смысле была «передана по наследству». Каким образом Путин поступит в 2008 г.? Либо он также передаст свою власть «по наследству», либо пройдут выборы, где победит сильнейший. От этого зависит, двинется ли Россия в сторону демократии западного образца, либо она останется «квази-монархической».

Анализируя перспективы эволюции экономической системы, можно предположить, что в итоге в России сложится олигархическая система по латиноамериканскому типу, где государство будет играть роль одного из крупнейших олигархов. То есть будет формироваться структура латиноамериканского латифундистского типа, где есть кланы, семьи, действующие в своих интересах и не интересующиеся ничем другим.

Конечно, мелкий бизнес будет развиваться, однако, его расцвет маловероятен – бюрократическая система делает все возможное, чтобы мелкий бизнес не состоялся.

В. Прохоренков

Доминирующая роль госкапитализма или полного либерализма в России маловероятна, а тенденция развития государственной власти и ее институтов говорят о том, что они способны будут противостоять развитию в стране «чистого» латиноамериканского варианта.

А. Дынкин

Модель госкапитализма не очень вероятна. Это будет что-то среднее между англосаксонской и европейской моделью.

В. Мау

К 2010 г в России вряд ли будет что-нибудь другое кроме достаточно сильной президентской республики. Неизбежно движение в сторону более тесной взаимосвязи состава и политики правительства и результатов выборов в законодательную власть.

Е. Гурвич

В России сложилось определенное сочетание авторитаризма в политической жизни и, по крайней мере, декларируемый либерализм в экономической сфере. Но нет никакой силы, кроме президента, которая поддерживала бы этот баланс. Хотя власть президента опирается на поддержку избирателей, однако, у избирателей нет четкого понимания, чего они хотят. В 2010 г. максимум властных полномочий будет скорее всего сконцентрирован наверху.

Н. Орлова

Политическая ситуация отражает экономическую. Особенностью России является то, что она состоит из двух частей: есть Москва и Санкт-Петербург, в которых сосредоточены и финансовые и политические ресурсы, и есть все прочие регионы, которые фактически активно не участвуют в формировании политической системы. Пока на региональном уровне не будет развиваться мелкий и средний бизнес, страна будет обречена на отсутствие политических альтернатив и на наследование власти. Политические изменения произойдут только тогда, когда будут изменения в экономической жизни на региональном уровне и когда экономика не будет концентрироваться только в двух городах. Вот тогда и может появиться политическая альтернатива Владимиру Путину.

М. Гилман

Российская экономика будет развиваться как часть европейского экономического пространства, поэтому со стороны властей необходима политика, направленная на интеграцию российского бизнеса в европейскую экономическую среду, а также на повышение стандартов жизни населения, что, впрочем, всегда обсуждалось достаточно широко. На пути интеграции российской экономики с европейской экономической средой очень важным является развитие финансового сектора. Это особенно важно для будущих взаимоотношений Европы и России.

И. Юргенс

Если Россия хочет идти по пути развитых стран, то необходим фондовый рынок, банковский сектор, нужно валютное регулирование,

нужно экспортно-импортное регулирование, нужна пенсионная реформа, но не такая пенсионная реформа, которая задумана номенклатурой. Россия, безусловно, может стать частью европейского экономического пространства. В отличие от петровских реформ, екатерининских, сталинских, у России сейчас нет миссионерского духа. Ведь помимо экспансионистских устремлений, раньше российские реформаторы прикрывались лозунгами, имеющими миссионерский характер. Таким образом, сейчас есть все предпосылки для успешных реформ. Однако они могут быть сломлены, если не произойдет реформы государственного аппарата, и, как следствие, реформы нашего конституционного устройства. В российской Конституции не совсем правильно отражена роль президентской структуры.

Интеграция России в мировую экономику

Вопрос о целесообразности вступления России в ВТО не вызывает серьезных сомнений. Однако, если вступление в ВТО будет проходить ускоренными темпами, российские предприятия окажутся неспособными адаптироваться к новым условиям.

Е. Гурвич

Для России принципиально важна интеграция с внешним миром. Россия – капиталозбыточная страна, но существует огромный разрыв между российскими технологиями и зарубежными. У правительства нет долгосрочной картины, какой должна быть структура нашей экономики, какие отрасли будут доминировать через 10 лет.

С. Алексашенко

Россия ведет переговоры по вступлению в ВТО абсолютно бездарно. Более того, нет никаких внятных приоритетов – чего российская сторона хочет добиться в рамках ВТО. Китай, например, использовал переговоры с ВТО для того, чтобы определить стратегию своих промышленных территорий на ближайшие 15 лет.

Для России необходимо начать переговоры с ЕС о создании единого пространства для свободного перемещения труда, товаров и капитала. Исключительно важно, например, для бизнесменов иметь безвизовое соглашение с Шенгенской зоной. Однако, противником этого соглашения могут быть российские службы безопасности, причем они будут против исключительно по политическим соображениям. В декабре состоится саммит ЕС, на котором будет принято решение о стратегии расширения ЕС, в частности, о возможности принятия стран Восточной Европы. После этого Европа станет настолько большим экономическим пространством, что ей точно будет не до России. Стран будет достаточно много и проблемы дешевой рабочей силы, дешевого сырья будут решены в

рамках Европы. Если вдруг на Украине и в Белоруссии к власти придут силы, также ориентированные на присоединение к ЕС, тогда точно Европа будет кончатся в районе Смоленска. Тогда для России закроются те традиционные рынки, на которые сегодня рассчитывают российские производители.

Что же касается секторов, которые будут доминировать в 2010 г., и структуры российского экспорта, то это во многом зависит от политики субсидирования. Субсидирования требует любая поддержка новых отраслей, новых технологий. Известно, что российские энергомашиностроители регулярно проигрывают конкурсы всем, потому что не могут представить банковскую гарантию адекватную той, которую представляют западные производители. Поскольку в России нет банков с необходимыми средствами, то эти функции должно выполнять государство, однако, в бюджете не прописана соответствующая статья.

Тем не менее, у России есть шансы прорваться на рынок высоких технологий. Проблема в том, что у российского капитала нет привычки рисковать деньгами. Идея риска не прижилась в российском бизнесе. Вложения идут только в 100% проекты, а не в технологические разработки. Если государство не будет участвовать в технологических разработках, о научно-техническом прогрессе можно забыть. Поэтому развитие новых секторов может опираться либо на мощную рыночную инфраструктуру, чего нигде не происходит, либо на государственные расходы. В то же время любые прорывы невозможны без иностранного капитала, иностранных технологий.

V. May

Проблема вступления в ВТО не только тактическая, но и стратегическая. В присоединении к ВТО надо видеть шаг на пути вступления в институты западного общества – в ОЭСР, в единое европейское пространство. И как бы российская бюрократия не сопротивлялась интеграции, эта проблема решаема.

Очевидно, что позиции России на мировом рынке будут связаны с экспортом сырья. Но все-таки перспектива, если она есть, – это экспорт технологических услуг. Однако, чтобы оказаться производителем технологических услуг, надо добиваться открытия этого рынка. Видимо, оптимальным вариантом для России могло бы стать одновременное открытие и товарного рынка, и рынка финансовых услуг. В этой области стратегия должна базироваться не на позиции защиты рынков, а на договоренности о взаимном открытии рынков. Это резко упростило бы переговорную позицию и снизило вероятность усиления влияния финансово-промышленных групп. Если политический вес этих групп через несколько лет будет значительным, то будет очень трудно добиться либерализации.

В переговорах с ЕС сопротивление со стороны ЕС оказалось сильнее, чем предполагалось. Это особенно видно при обсуждении с представителями европейского бизнеса таких вопросов, как признание России страной с рыночной экономикой, как вступление в ВТО, как перспективы формирования общего европейского экономического пространства. Причем главным препятствием здесь является вовсе не позиция российского бизнеса, опасющегося конкуренции со стороны европейских товаропроизводителей, а то, что западные партнеры в гораздо большей степени опасаются появления российских товаров на своих рынках.

Европейский бизнес в настоящее время является основным тормозом на пути признания рыночного статуса российской экономики. Причем некоторые записки, которые направляют в Брюссель представители бизнеса ЕС, поражают своей откровенностью: в них почти открыто высказываются опасения столкнуться с конкуренцией со стороны российских товаров, и предлагается не соглашаться на вступление России в ВТО в течение длительного времени. Естественно, в такой позиции очевидно доминирование интересов европейских производителей над интересами европейских же потребителей.

Радикальным прорывом в отношениях России и ЕС в направлении единого экономического пространства могло бы стать обсуждение взаимного открытия рынков товаров и услуг, включая финансовые и страховые услуги. Это решение способствовало бы повышению общего уровня конкуренции на рынках, способствовало бы экономическому росту, включая резкое повышение качества финансовых услуг на российском рынке.

Н. Орлова

В случае вступления в ВТО структура российского экспорта не поменяется. Это значит, что и с точки зрения зависимости экономики от экспорта ничего не изменится. Вероятно, произойдет некоторое увеличение экспорта услуг (хотя на данный момент нет никаких количественных оценок такого эффекта), но этот рост не будет значительным. Таким образом, российская экономика останется зависимой от нефтяного экспорта и от мировых цен на нефть.

Составитель доклада – Е.Е.ГАВРИЛЕНКОВ, главный экономист инвестиционной компании «Тройка Диалог».

Привлеченные эксперты:

С.В. АЛЕКСАШЕНКО, заместитель генерального директора холдинговой компании «Интеррос».

М.ГИЛМАН, профессор Высшей школы экономики.

Е.Т.ГУРВИЧ, руководитель группы экономических экспертов Министерства финансов РФ.

А. А. ДЫНКИН, первый заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений РАН, член-корреспондент РАН.

А. А. МАУ, руководитель Рабочего центра экономических реформ при правительстве РФ, заместитель директора Института экономики переходного периода.

Н. В. ОРЛОВА, старший экономист «Альфа-банка».

В. Г. ПРОХОРЕНКОВ, глава департамента макроэкономического анализа и прогнозов Министерства экономического развития и торговли РФ.

И. Ю. ЮРГЕНС, вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей.

Введение

Политическая
система России через
10 лет

Вообразим себе российскую историю прошедшего века, разделенную на десятилетние отрезки по принципу обратного отсчета. Российскую Федерацию в нынешнем 2002-м и в 1992 гг.; СССР – в 1982, 1972, 1962, 1952, 1942, 1932 гг.; РСФСР в 1922 г. и, наконец, Российскую империю в 1912 и 1902 гг.

А теперь перейдем от ретроспекции к прогнозу. Скептик, пожалуй, скажет, что если только Земля не столкнется с другим небесным телом, то трудно себе представить, чем особенным в подобном хронологическом ряду мог бы выделиться для России 2012 год. Более осторожный комментатор отметит, наверное, что прошедшее XX столетие – один из тех периодов, которым не дано вдохновлять ни футурологов, ни потребителей их продукции. И что другие века не всегда бывали столь же бурными и такими же непредсказуемыми.

Как бы то ни было, действительно, почти все десятилетия XX века были отделены для россиян друг от друга если не потрясениями национального и даже всемирно-исторического масштаба, то уж, во всяком случае, – такими изменениями в общественной жизни и в системе власти страны, которые при всем желании трудно назвать рутинными. Большинство из этих драматических событий не было предсказано отечественными и зарубежными учеными. Напротив, некоторые прогнозы статистического характера (вроде знаменитых выкладок Д. И. Менделеева) с большим или меньшим успехом используются для демонстрации того, какой могла бы стать Россия, если бы с ней не произошло в XX веке то, что с ней на его протяжении происходило. Редкие и не бесспорные исключения, скорее, только подтверждают правило. Достаточно указать хотя бы на разноречивые, часто противоречащие друг другу по аргументации и расплывчатые по срокам прогнозы неминуемой «грандиозной русской революции», о которой писали, начиная с 1830 гг., в Европе и в России. Или же на

прогнозы «крушения СССР», о котором очень разные люди говорили в разной связи между 1920-ми и 1990-ми годами. И по-своему грандиозная революция и, по-своему не менее впечатляющее крушение ее детища действительно свершились, но только совсем не так и не совсем тогда, как и когда это предсказывали. Ошибка в полтора-два или даже три-четыре десятилетия может не вредить принципиальным выводам и профессиональной репутации философа или историка, являясь, однако, непозволительной роскошью для политика и делового человека. Предсказание, маскирующееся под научный прогноз, и собственно такой прогноз – разные вещи, в том числе и с чисто практической точки зрения.

Мы не намерены спорить в данном случае о достоинствах и недостатках того и другого. Отметим лишь, что прогноз событий на десять лет, если только он не является плодом визионерского прозрения или партийной ослепленности, строится по элементарным методологическим правилам, заведомо стесняющим творческую фантазию. Приходится выносить за скобки не невозможные в принципе, но малоочевидные для идеального аналитического сообщества в целом и, следовательно, публично не верифицируемые события и процессы, допуская при этом, что именно такого рода случайные факты становятся подчас решающими. «Меню» соблазнов такого рода всегда велико, однако, поддаваясь им, прогнозист погрешил бы против самой идеи прогноза. В конце концов, политический прогноз, как любая теорема, имеет смысл только для тех, кто принимает определенные аксиомы. Мы исходим из нескольких основных посылок.

Происходившее в последние годы с Россией, как и предстоящее ей в обозримом будущем, чаще всего формулируется в терминах транзита, более или менее болезненного перехода, условно говоря, из некоей точки «А» в некую точку «Б». Или, что, по сути, не менее условно – от коммунистического тоталитаризма к демократии и рыночной экономике. Подобное восприятие происходящего в общих чертах свойственно как правящей элите, так и большинству общества, хотя, разумеется, и внутри элиты, и в обществе в целом существуют заметные и иногда существенные различия в отношении к происходящему – вплоть до взаимоисключающих оценок желательности такого перехода, его сроков, начальной и конечной точки и т.д. Примерно так же воспринимают происходящее сегодня с Россией и в международном сообществе: как переход или «непереход» из одного устойчивого состояния в другое, то есть не просто как движение, а как движение, имеющее в определенном его качестве начало и конец.

По понятным причинам об объективных критериях успешности перехода можно спорить до бесконечности. Меньше возражений могла бы вызвать верифицируемая субъективная оценка произошедшей «нормализации» состояния страны. Если говорить

более конкретно, то о завершении российской метаморфозы и об ее успехе могло бы свидетельствовать устойчиво фиксируемое опросами общественного мнения чувство удовлетворения решающего сегмента общества метаморфозой, гордости за свою страну и за то, что россиянам удалось сделать с нею и с собой. То есть чувство, которое обычно естественным образом разделяет значительное число граждан стабильных демократических стран, какими бы ни были «объективные» количественные показатели этих последних в отдельных областях жизни. Сегодня – несмотря на высокий рейтинг президента РФ, на постепенный рост удовлетворенности значительной частью опрошенных россиян благосостоянием своей семьи, своего города или поселка и даже страны в целом, а также на некоторый рост «самобытных» настроений – это чувство социологически не констатируется. Это заставляет предположить, что российское общество еще не преодолело перевал, и что решающее «превращение» с неочевидным результатом еще впереди. Эта неочевидность относится и к срокам, если движение пойдет в заданном направлении, и к самому направлению. Ясно, что выбранный нами субъективный критерий имеет смысл исключительно при свободе самовыражения людей и не может приниматься в расчет, если становится предметом манипуляции.

В принципе, в соответствии именно с такой логикой была структурирована работа экспертной сессии, проведенной Фондом «Российский общественно-политический центр» (РОПЦ) в процессе подготовки настоящего доклада. Предполагалось, что эксперты должны были в первую очередь подтвердить или опровергнуть значимость как указанного подхода в целом, так и основной гипотезы, и определиться, пройдет ли Россия в предстоящее десятилетие базовую развилку, и если да, то каким окажется итог. Или же – каким он окажется, если развилка не будет пройдена. Попутно предлагалось оценить значимость альтернативных сценариев, своего рода фобий российской политики. Часть из них предлагалась для оценки экспертам, другие назывались ими самими. При всей однозности или кажущейся невероятности некоторых сценариев они не отвергались с порога, прежде всего потому, что и со стереотипами приходится рассчитывать, и мнительные, как известно, тоже умирают, причем иногда именно от того, что служит предметом их ложных или оправданных фобий. Разумеется, желательным представлялось и уточнение смысла «развилки» и, если возможно, ее разложение на несколько так называемых «точек бифуркации», имеющих точный политический смысл и хронологическую привязку. Формулируя задачу, авторы отлично понимали, что требуют от экспертов решения задачи, сопоставимой по сложности с выжиманием ста пяти граммов сока из стограммового лимона. Понимая это ничуть не хуже авторов и признавая всю условность и

экстремальность предложенных правил игры, ряд ведущих экспертов согласился в дружеской дискуссии с коллегами или/и письменно предложить свое видение политического будущего России спустя десятилетие².

² Доклад в значительной степени основан на суждениях и гипотезах, высказанных экспертами, и авторы пользуются случаем выразить им глубокую благодарность за участие в этом проекте. При этом авторы доклада подчеркивают, что эксперты, разумеется, не несут ответственности за качество конечного продукта, она целиком лежит на рабочей группе Фонда «Российский общественно-политический центр».

«Проклятые сценарии»

Более точно очертить контуры ожидаемой общеполитической ситуации можно через перечисление тех сценариев, реализация которых представляется экспертам не только нежелательной, но и крайне маловероятной. Обнаружилось пять сценариев подобного рода. Они перечисляются по мере возрастания вероятности, притом, что последние, в сравнении с первыми, скорее, менее невероятны, чем более вероятны.

Возвращение к власти коммунистической партии. Реставрация советского режима была одним из кошмаров 1990-х гг. Эксплуатация этой фобии позволяла решать по-своему исторические задачи – такие, например, как переизбрание Б.Ельцина на пост президента на выборах 1996 г. Признание невозможности реставрации коммунизма означает, в частности, и то, что судьба построенных на антикоммунизме политических проектов также ставится под вопрос, что устроит многих, но, вероятно, не всех.

Установление авторитарного некоммунистического режима. Еще в 1999-2000 гг., не говоря уже о более ранних временах, этот вариант обсуждался всерьез. Тогда предстояла первая в истории демократической России легальная смена главы государства, не без оснований воспринимавшаяся как испытание на прочность всей российской политической системы. Сегодня можно признать, что система выдержала это испытание, сохранив основные характеристики демократии (хотя и, по-прежнему, далеко отстоя – как, впрочем, и все реальные политические сообщества – от ее идеального типа). Теоретически, с каждой последующей законной передачей власти от одного избранного главы государства другому риск авторитарного перерождения демократии должен уменьшаться. Критическими для многих теоретиков являются моменты прихода к власти оппозиции и, впоследствии, законного возвращения к власти потерпевшей тогда поражение на выборах элиты или ее идеологических наследников. В предстоящее десятилетие этот алгоритм едва ли можно будет использовать в полном объеме в качестве критерия жизнеспособности демократии. Реальная оппозиция – коммунисты – в России, по-прежнему, «непрезидентиабельна», и ее чисто теоретически допустимая победа на выборах вряд ли стала бы знаком торжества демократии, хотя и вовсе не обязательно означала бы ее действительный конец. Другой же оппозиционной силы, способной бросить властвующей элите демократический вызов, сегодня эксперты не видят. Это, впрочем, не означает, что таковая не сможет сформироваться в течение предстоящего десятилетия.

Распад России. Действительные или мнимые сепаратистские устремления отдельных регионов, будоражившие Россию в предшествующее десятилетие, на данном этапе можно считать в основном преодоленными. Благодаря «централизаторской» (скорее в символическом и экономическом, чем чисто политическом смысле) политике президента В.Путина, более того – в связи с самим появлением в российском политическом ландшафте этой долгожданной в ряде отношений фигуры, фобия тотального распада Российской Федерации, выглядевшая для серьезных аналитиков комической еще в начале 1990-х гг., стремительно исчезает. Даже чеченский кризис, хотя он и далек от разрешения, сегодня уже не может рассматриваться как прямая угроза сохранению территориальной целостности государства. Даже пессимисты – каковых, впрочем, не было среди экспертов – склонны сегодня в худшем случае говорить о теоретической возможности «откалывания» от России отдельных пограничных территорий, чем о перспективе распада страны. Вместе с тем внешние факторы – разнонаправленные и имеющие разную логику воздействия со стороны глобальных центров силы, прежде всего исламского мира, но также Китая, США, Европы – продолжают иметь место, и в этом смысле единство российского политического тела остается проблемой, которую, увы, предстоит решать постоянно.

Общая хаотизация политического процесса. Эксперты практически единодушно полагают, что резкое повышение степени управляемости и предсказуемости политического процесса, ставшее пока главным результатом путинского президентства, вряд ли обратимо в интересующей авторов перспективе. Нелегкий выбор между хаосом и порядком сделан, наконец, в пользу последнего. Теперь речь должна идти о различных вариантах упорядоченности и о сравнительной оценке их преимуществ и недостатков.

Экономический кризис по образцу 1998 г. Такой кризис имел бы, конечно, серьезные политические последствия. Они даже могли бы оказаться более радикальными, чем в 1998 г. Эксперты, однако, полагают, что возврата к спекулятивному варианту капитализма в России не произойдет, что минимизирует и связанные с подобным типом развития политические риски.

Развилки и переменные

В ходе дискуссии было названо несколько развилок, определяющих выбор конкретных вариантов эволюции российской политической системы. Критерии определения самих этих точек при этом оказывались различными; соответственно, различались и переменные, влияющие на выбор вариантов. Примечательно, что сценарные развилки достаточно редко имели точную временную локализацию. Когда это все же происходило, то в этом качестве назывались:

«*Настоящее время*» (примерно – 2002-2003 гг.) – период определения основных среднесрочных тенденций.

«2008 г.» – обусловленный действующей конституцией предельный срок исполнения президентских полномочий В.Путиным. Именно в этом году, если оправдается ожидание сравнительно недраматического развития событий, вновь станут актуальными вопросы о передаче власти и о персонификации политического будущего России.

«2010-2012 гг.» – срок исчерпания ныне существующего резерва инерционного развития; складывание новой системы вызовов.

Самым же распространенным оказался взгляд, согласно которому все ближайшее десятилетие надлежит рассматривать как некую «точку» (точнее, конечно – период, если так вообще можно сказать) бифуркации. Все это время ситуация, инерционно развиваясь – если не произойдет ничего чрезвычайного и в принципе непредсказуемого – в позитивном направлении, будет сохранять ту же долю неопределенности, что и выздоравливающий после тяжелой болезни организм на ранних стадиях исцеления. Следует, впрочем, отметить и особое мнение одного из экспертов: выдвинутый им тезис об отсутствии как сегодня, так и в течение ближайшего десятилетия каких-либо реальных альтернатив инерционному сценарию «*олигархической модернизации*». Представляется, впрочем, что и эта позиция не противоречит общей склонности рассматривать десятилетие 2002-2012 гг., а возможно и более долгий период, как относящийся к одной и той же парадигме. Тем самым на первый план выходит вопрос о факторах, способных повлиять на развитие событий в ее рамках. Их порядок, в общем, произволен и, поскольку эксперты их специально не ранжировали, не отражает ни представления об их сегодняшней относительной значимости, ни оценки их относительной значимости в будущем.

Механизм передачи высшей власти. Действительно, логично ожидать, что этот критический для стабильности всей политической системы процесс, однажды уже проведенный в управляемом режиме, в дальнейшем будет тем более управляемым. Здесь возможны такие варианты, как продление полномочий действующего президента – вероятность в этом случае наименьшая, но не нулевая. Повторение сценария «кусыновления» – аналогично сюжету передачи поста главы государства от Б. Ельцина к В. Путину, с более или менее продолжительным периодом диархического правления. Или, условно говоря, «мексиканский» вариант – подготовка преемника в структурах правящей партии (аналогично Институционально-революционной партии Мексики), обеспечивающей его «органичный» вывод на авансцену в нужное время.

При этом следует учитывать, что «лидерская ориентация» отечественной политической системы, способной функционировать только при условии постоянного и беспрепятственного прохождения

команд из центра, является мощнейшим источником нестабильности. Малейший сбой в механизмах, обеспечивающих трансляцию команд, непосредственно угрожает устойчивости системы в целом. Процесс передачи власти в этой системе по определению потенциально катастрофичен, и названные его варианты не столько взаимно альтернативны, сколько – все совокупно и каждый из них по отдельности – выступают альтернативой политической «аварии».

Вменяемость и эффективность политического класса. Речь в данном случае идет не только о собственно политической элите, но именно о политическом классе. Объективные условия, необходимые для экономического роста, поднятия престижа России в мире сравнительно с нынешним его состоянием, и т.д., по оценке экспертов, далеко не так неблагоприятны, как об этом говорят те, кто склонен оправдывать пассивность и осторожность, как оптимальные модели политического поведения. Потенциал развития значителен, однако его использование зависит от присутствия политической воли, вооруженной внятными «национальным проектом» (идеологией), а также адекватным техническим инструментарием. Согласно предложенной одним из экспертов формулировке, не вызвавшей возражений у остальных, «*атрофия воли политического класса – главный внутривнутриполитический фактор современной России*». Сохранение или преодоление этой атрофии – важнейшая переменная, имеющая чисто субъективный характер: та развилка, прохождение которой сегодня не поддается прогнозу, при том, что ее значимость для определения политического лица России через десять лет вполне очевидна для экспертов. При этом их мнения резко разошлись, к примеру, при оценке роли Русской Православной Церкви в российской политике: казалось бы, частному, а в действительности – «знаковому», как принято говорить, вопросу, ответы на который косвенно отражают состояние общественного мнения в отношении «национального проекта». Одинаково часто предсказывалось и возрастание роли РПЦ, и ее сокращение, и ее сохранение на прежнем уровне. Парадоксальным образом подтверждает этот вывод и «согласие» большинства экспертов в том, что визит Папы Римского в Россию состоится до 2012 г. – по приглашению Русской Православной Церкви, как считали одни, или без такового, как предсказывали другие. Все сказанное заставляет предположить, что споры о «национальной идее» отнюдь не завершены, а потенциально востребованная в предстоящие десять лет «воля политического класса» далеко не обрела еще форму консенсусной или победоносной политической идеологии...

Отношения «центр-регионы». Федеративная реформа В.Путина, насколько можно судить, не доведена до логического завершения, и устойчивой парадигмы отношений федерального центра и субъектов федерации пока не возникло. Соответственно, от того,

в каком направлении будет эволюционировать это измерение российской политической системы, зависит очень многое. Примечательно, что эксперты, как правило, не ожидают дальнейшего развития централизаторских тенденций. Прогнозируется, скорее, либо восстановление (хотя и в новых формах) властного потенциала региональных элит, либо возникновение побочных эффектов федеративной реформы. Так, речь заходила о перспективе *«макрорегиональной консолидации внутри недавно созданных семи федеральных округов»* и складывании такой системы репрезентации их интересов, прежде всего экономических, игнорировать которую федеральный центр окажется не в состоянии.

Отношения «государство-бизнес». Аналогично предыдущему пункту «антиолигархический» компонент политики В.Путина не воспринимается экспертами как стопроцентно успешный. Скорее имело место временное сокращение политических притязаний бизнеса, тактическое отступление и перегруппировка сил, которая к настоящему моменту уже завершается. Процесс «скупки» бизнесом региональной и федеральной бюрократии продолжается, если не близится к финалу; стремительно оформляется институциональный дизайн лоббирования бизнесом своих интересов (Российский союз промышленников и предпринимателей, Торгово-промышленная палата), охватывая уже и средний уровень бизнеса; при этом сам средний и малый бизнес интенсивно поглощается олигархическими структурами. Таким образом, один из сценариев (наиболее вероятный) предусматривает возникновение сверхкрупных концернов по образцу южнокорейских «чеболей» – тесно переплетенных с государственной бюрократией, отличающихся слабой инновационной активностью и низкой эффективностью. Однако этот сценарий стабильности не гарантирует – именно потому, что названные недостатки этой системы будут противоречить интересам государства, остающегося главным субъектом модернизации. *«Либо государство договорится с олигархией об инвестициях в высокие технологии, либо государство будет вынуждено задуматься о других механизмах перебрасывания капитала в развитие этих технологий»*, и здесь возможны самые неожиданные, в том числе и достаточно радикальные решения. Разумеется, в этом случае, как и в других, выбор сценария во многом будет зависеть от воли правящего класса, если таковая проявится. Так или иначе, сращивание власти и бизнеса, прежде всего крупного, единодушно квалифицируется как магистральная тенденция ближайшего десятилетия, хотя очертания конечной модели этого сращивания еще неясны, и сфера неопределенности здесь достаточно широка.

Социальные конфликты. Можно ожидать, что массовая апатия, характерная для последнего десятилетия, будет постепенно сходить на нет. Социальное неравенство (в его классовом,

территориальном, имущественном, каком-либо еще измерении), уже порождающее феномен «новых бедных», станет источником серьезной напряженности, которая неизбежно будет вторгаться и в политическую сферу. Так, не исключено появление подпитываемых этой напряженностью принципиально новых политических акторов (в том числе экстремистского толка), которые, эксплуатируя этот ресурс, смогут серьезно вмешаться в формирование партийной системы. В этой ситуации очень многое будет зависеть от способности властей удержать под контролем их деструктивную активность. При этом нельзя игнорировать опасность *«детализации того, что еще недавно казалось чудовищным»*. Европейский опыт предоставляет значительный запас аналогичных сценариев. Как сформулировал свои опасения один из экспертов, *«не скинхеды придут к власти, а власть придет к скинхедам»*. Именно в этой точке находится важная развилка, откуда путь может вести к одному из «проклятых» сценариев.

Гражданское чувство. Прогнозируя будущее России, невозможно игнорировать некоторые трудноопределимые, но от того не менее фундаментальные материи, на которых зиждутся те или иные политические конструкции и слагаются политические конъюнктуры. Как свидетельствуют данные социологии, политическое тело страны слагается сегодня из двух неравных частей – нравственно деградирующего пассивного большинства, пребывающего в состоянии взаимного отчуждения и агрессии, лишенного чувства долга и гражданской ответственности, и активного меньшинства, ответственно отстаивающего на основе индивидуального рационального и морального выбора не только свои собственные, но и коллективные интересы. От того, какая из заданных этими частями тенденций возобладает – в частности, от того, на союз с которой из них будет ориентироваться власть, – в конечном счете, зависит генеральный выбор России, выбор между путями разложения и оздоровления.

Наконец, следует отметить еще одно принципиально важное обстоятельство. Практически никому из экспертов, участвовавших в обсуждении перспектив российской политической системы, не удалось удержаться в границах внутренней политики как таковой. Дискуссия постоянно сворачивала либо на экономические материи, либо на внешнеполитические сюжеты. Складывается впечатление, что российская политическая система обладает сегодня крайне низкой степенью автономии и невысокой самостоятельной инерционностью, при том, что основные переменные, определяющие ее лицо, находятся либо за пределами политики, либо вообще за пределами страны.

В частности, едва ли не главной переменной оказалось то место, которое предстоит занять России в стремительно и радикально

меняющемся после событий 11 сентября 2001 г. мире – место субъекта, пусть и не самого значимого, или же место объекта (второй, пессимистический вариант нашел свое выражение в высказывании *«мы не повара, мы дичь»*). Подробное обсуждение этих сюжетов выходит за рамки настоящего доклада; но самое пристальное внимание к этому аспекту проблемы необходимо.

Интегральный сценарий

В завершение, вниманию заинтересованных читателей предлагается попытка построения интегрального сценария, описывающего основные контуры российской политической системы спустя десятилетие. Основой для этого материала послужили заполненные экспертами анкеты, включавшие более 30 конкретных вопросов. Анализ этих анкет выявил следующую структуру экспертных ожиданий.

Прежде всего, на вопрос «Не изменится ли мир через 10 лет таким образом, что всякие сегодняшние прогнозы относительно места России в нем утратят ценность?» поступили преимущественно отрицательные ответы. При этом среди все же возможных парадигматических преобразований мира фигурировали такие, как «распад системы глобального доминирования США»; «качественное преобразование всей системы международных альянсов»; «революционные перемены технологического, биологического и т.п. свойства».

Россия, как уже отмечалось выше, безусловно, «сохранится как субъект международной политики и целостное политическое сообщество в приблизительно современных границах». Ее внешняя ситуация будет описываться примерно следующим образом. Психологический статус в мире в глазах ее граждан: «больной с надеждами на выздоровление». Иными словами, эксперты не ожидают в ближайшее десятилетие психологической «нормализации», свидетельствующей о завершении переходного периода, о чем шла речь во введении к докладу. В то же время прогноз (в почти медицинском, для нас – интегральном смысле) очевидно положителен. Если говорить о судьбе бывшей «большой страны», то Содружество Независимых Государств станет менее тесной формой объединения. То же будет происходить с союзом России и Белоруссии, если только в предстоящее десятилетие не будет принято с каждым годом все менее вероятное волевое решение об их объединении в единое государство. Такое решение, требующее максимальной мобилизации и проявления воли политических классов России и Белоруссии, создало бы во многом новую парадигму внутренней политики России. Россия будет связана какой-либо формой

«специальных институциональных отношений» с Европейским Союзом и НАТО. Скорее всего, Россия будет вовлечена в какие-нибудь внешние вооруженные конфликты, наиболее вероятно – в Центральной Азии.

Вооруженные силы России будут комплектоваться с использованием как всеобщей воинской повинности, так и добровольного подхода, при этом их боеспособность возрастет.

Проблемы политического насилия, преступности и социальных аномалий, как наиболее серьезные вызовы нормализации. Вовлеченность в какие-либо внутренние вооруженные конфликты, скорее всего, будет иметь место, причем наиболее вероятно – на Северном Кавказе. Конфликт в Чечне будет продолжаться в вялотекущем режиме. Терроризм в России – «станет несколько более серьезной проблемой». Уровень коррупции либо «станет еще более острой политической проблемой, либо «сохранится на прежнем уровне», но едва ли сократится, и проблема станет менее значимой. Более сильное, нежели сейчас, воздействие на состояние российского общества будут оказывать социальные аномалии (наркомания, СПИД).

На вопросы о *составе страны и ее территориальном устройстве* были получены такие ответы. Внешние границы России теоретически «могут измениться как в сторону расширения территории (Белоруссия, Кавказский регион), так и в сторону ее сокращения (Курильские острова, Калининградская область)». При этом реальное будущее Калининградской области, скорее всего, сложится «юридически в составе России, при том, что ее статусом будет предусмотрен специальный характер отношений с Европой». Будущее Курильских островов, вероятнее всего, связано с «установлением той или иной формы совместного с Японией владения».

Территориально-политическое устройство России по сравнению с его современным видом – «приблизится к идеальному типу федерации». Количество административно-территориальных единиц, составляющих Россию – «сократится» (и составит от 20 до 75 единиц).

Демографический блок анкеты дает такие результаты. Общая численность населения, по сравнению с современной, «незначительно сократится». При этом средняя продолжительность жизни, по мнению большинства экспертов, несколько вырастет. Баланс иммиграции и эмиграции будет положительным. Основным источником внешней миграции будет «ближнее зарубежье». Доля русских в населении России сократится, причем не исключено, что психологически ощутимым образом.

Характеристики собственно политической системы. Через десять лет Россия будет, по-прежнему, ближе к политическому режиму «управляемой» («манипулятивной», «делегативной») и

т.п.) демократии». В конституционное устройство «будут внесены поправки, не затрагивающие основ конституционного строя». При этом ответственность правительства перед парламентом возрастет. Партийная система будет реально трех-четырехпартийной, крупнейшей же фракцией будет обладать в парламенте «не КПРФ, а иная партия».

Россия – 2012

В целом, эксперты сошлись в том, что Россия-2012 окажется несколько более «узнаваемой» при сравнении с сегодняшней, нежели Россия-2002 – по отношению к России-1992. Масштабные и радикальные трансформации минувшего десятилетия, отражавшие быстрое изменение страны в принципиально иную систему координат, в основном уже стали свершившимся фактом. Невелика также вероятность общенациональных политических потрясений типа октября 1993 г., либо новых затяжных вооруженных конфликтов типа чеченского. Сложнее обстоит дело с более конкретными и, как утверждали некоторые злые языки, более практическими прогнозами. Оказалось, что человек, который в 2012 г. станет главой государства, «сейчас публике неизвестен», не известен ей и тот, кто в 2012 г. будет главой правительства. В этом все эксперты и примкнувшие к ним члены авторской группы были почти единодушны.

Последний вывод свидетельствует как о том, что политический класс России все еще не вполне сложился, так и о том, что десять лет – все же очень большой срок, если сопоставлять его со средней человеческой жизнью, даже если ее продолжительность в России и увеличится, как предсказывается в этом докладе. В целом же по окончании работы авторы доклада констатировали преобладающий умеренно оптимистический тон экспертных суждений, характерный как для высказываний, так и для ответов на вопросы анкеты. В этой связи эксперты и авторы доклада по завершении доклада пожелали друг другу и читателям здоровья и успехов, а России и миру – процветания, с надеждой через десять лет оценить, кто из прогнозистов ошибся меньше всех, и насколько правы они оказались все вместе.

Доклад подготовлен фондом «Российский общественно-политический центр»:

А.М.САЛМИН, президент (руководитель проекта).

Е.А.ГОЛОЦАН, аналитик.

С.И.КАСПЭ, руководитель информационно-аналитической службы.

С.В.МИХАЙЛОВ, зам.главного редактора журнала «ПОЛИТИЯ».

Привлеченные эксперты:

И.М.БУНИН, генеральный директор Центра политических технологий.

О.В.ГАМАН-ГОЛУТВИНА, профессор кафедры политологии и политического управления Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

И.Е.ДИСКИН, директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН.

А.Б.ЗУБОВ, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН

М.А.КРАСНОВ, вице-президент фонда ИНДЕМ.

А.А.НЕЩАДИН, исполнительный директор Экспертного института.

А.А.НИКОНОВ, президент фонда «Политика».

Ю.И.РУБИНСКИЙ, руководитель Центра французских исследований Института Европы РАН.

М.Ю.УРНОВ, председатель правления Центра политических технологий.

В.В.ФЕДОРОВ, директор Центра политической конъюнктуры России.

Ф.В.ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ, профессор Высшей школы экономики.